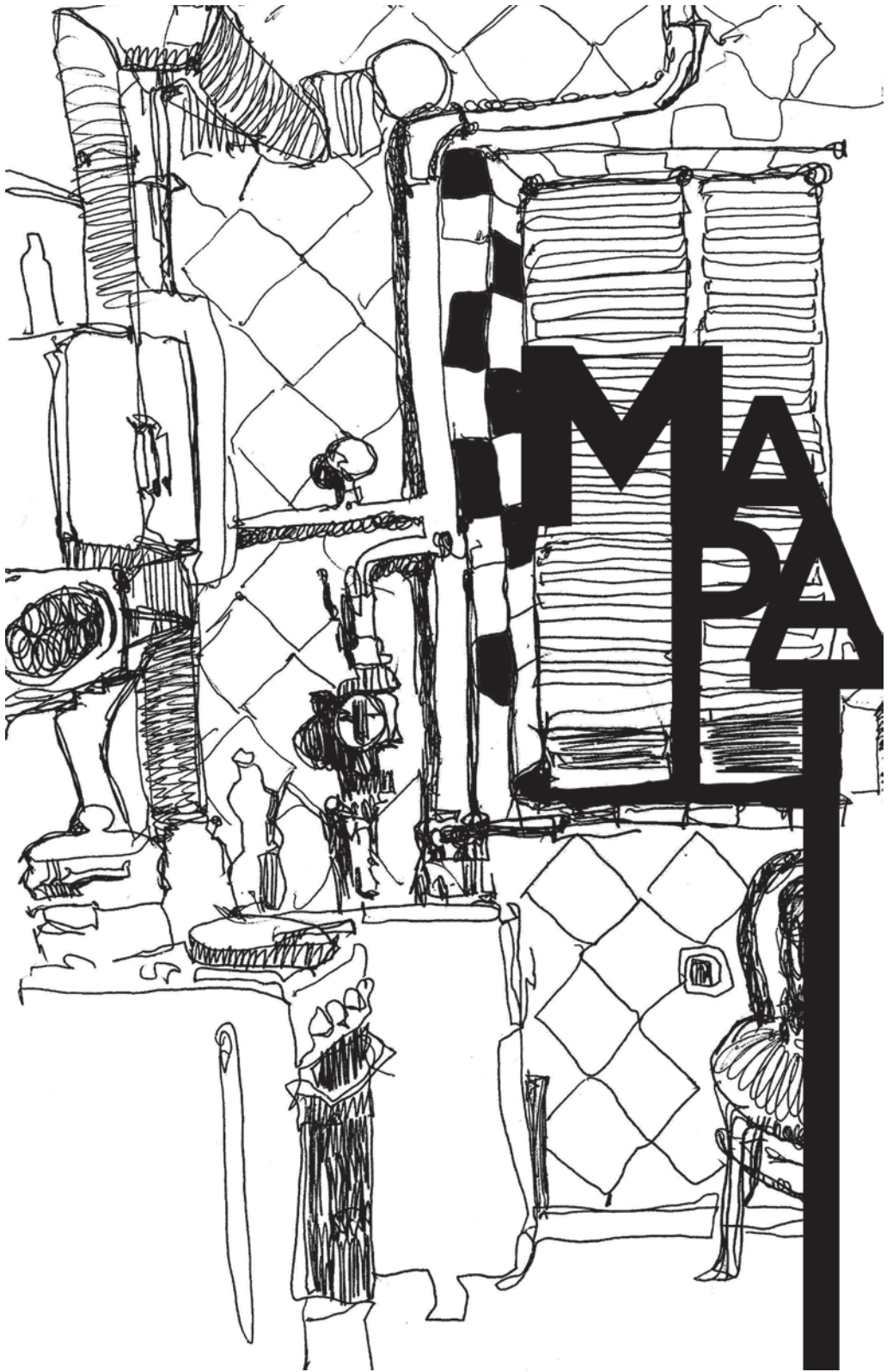

**МЕСО
ПОТА
МИЯ**

СЕРГЕЙ ЖАДАН

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2018

За те сорок дней, как умер Марат, в город пришла весна. И почти успела пройти. Хоронили его в поминальный вторник, в начале апреля, а сейчас холмы заросли травой, зелёной и жгучей: наступало лето. За сорок дней мы успели всё забыть и успокоиться. Но вот родители Марата позвонили и напомнили. И я подумал: да, действительно, всего лишь сорок дней. У мёртвых нет к нам претензий, живые умеют нас напрячь.

Хоронили его несколько друзей и соседи. Большинство знакомых — а знакомых у Марата в городе были целые толпы — так и не поверило, что их действительно приглашают на его похороны. Потом, конечно, извинялись, приезжали на кладбище, искали надгробие. Апрель был дождливым, за автобусом с гробом бежали уличные собаки, как почётная стража, время от времени бросаясь на чёрные колёса похоронного фольксвагена, не желая отпускать Марата в царство мёртвых. По кладбищу расхаживали торжественные толпы, забирались на холмы, над которыми стелились низкие тучи, спускались в низину, залитую водой, праздновали, как в последний раз, мешая алкоголь с дождевой водой. Мы чуть ли не единственные приехали на кладбище с умершим и выглядели довольно странно — так, будто пришли в музыкальный магазин со своим пианино. Пасхальный день всё смешал, сделав нашу скорбь несколько неуместной. На Пасху никто не умирает. Нормальные люди в это время, наоборот, встают из могил.

Смерть Марата оказалась похожей на его жизнь — нелогичной и полной тайн. Была ночь с субботы на воскресенье. В церковь Марат не пошел, поскольку считал себя мусульманином, к тому же неверующим, зато среди ночи выбрался в киоск за сигаретами. В домашних тапочках и с купюрой, зажатой в кулак. Там его и подстрелили. Никто ничего не видел, все были по церквям. Ночная продавщица из киоска сказала, что ничего не слышала, хотя ей показалось, как будто кто-то пел и слышался рёв моторов, хотя она не уверена, но в случае чего могла бы узнать голоса; тем не менее сказать, были они мужские или

женские, она не может, но всё же успела записать номера на жигулях, но потом выяснилось, что жигули стоят на обочине под студенческой поликлиникой уже второй год, и в них дворники складывают пустые бутылки и найденный на мусорных свалках картон. Ну вот, говорили мы друг другу, девяностые возвращаются, кто следующий?

Непонятно было также, за что его расстреляли. Бизнеса у Марата не было, с властью не пересекался, врагов не имел, правда, некоторых друзей он не узнавал в лицо, но разве это повод устраивать стрельбу? На улицах не стреляли уже лет десять, разве что в инкассаторов, но это по большому счету во внимание не берется: много среди ваших знакомых инкассаторов? Мы только гадали, что произошло на самом деле.

Прошло сорок дней, время бежало вперёд, реки успели выйти из берегов и вернуться назад. Начинались тёплые дни. Я не хотел идти, даже решил перезвонить, извиниться, отказаться. Потом подумал: какая разница? Всё равно буду целый вечер об этом думать, лучше уж в компании друзей, близких и родных. Терять голову лучше в проверенных местах. Вышел из дому, обошёл свою школу, остановился возле киосков, долго выбирал сигареты, так и не выбрал, подумал, может, всё же вернуться, и двинулся дальше. Сбежал крутым спуском вдоль корпусов института, притормозил на улице Марата. Стояла тишина. Под домом, в обеденной тени, млели сонные собачьи тела. Учувяв моё появление, вожак поднял голову, скользнул по мне тёмным оценивающим взглядом, опустил голову на асфальт, утомлённо прикрыл глаза. Ничего не произошло. Ничего не изменилось.

Марат жил всего в нескольких кварталах от меня, ближе к реке. Три минуты пешком. Тут вообще всё было под боком: родильный дом, детский сад, музыкальная школа, военкомат, магазины, аптеки, больницы, кладбища. Можно было прожить жизнь, не выходя к ближайшей станции метро. Мы так и делали. Жили в старых кварталах, зависших над рекой, росли в перестроенных и переделанных квартирах, выбегали по утрам из сырых подъездов, возвращались вечером под ненадёжные дырявые крыши, которые никак нельзя было до конца залатать. Сверху мы видели весь город во дворах, мы чувствовали, что под нами лежат камни, на которых все и строилось. Летом они

нагревались — и нам становилось тепло, зимой они промерзали — и у нас начиналась простуда.

Двор их выходил на тубдиспансер, рядом тянулась дорога, бегущая к старым складским помещениям. С одного края, внизу, за крышами, — набережная и мост, чёрные заводские корпуса, новостройки, непролазный харьковский частный сектор, с другого, наверху, — центральные улицы, церкви и торговля. Я прошёл воротами, впитывая в себя всё, с чем жил столько лет: пыль, глина и песок, сквозь них не могла пробиться даже трава. Двор был вымощен битым кирпичом и камнем — Марат в последние годы грозился залить всё асфальтом, однако что-то ему мешало, поэтому всё осталось прежним: два старых, ещё дореволюционной застройки двухэтажных дома, полупустые и давно не отремонтированные, посреди двора — клумбы и палисадники, за ними яблони и чёрная кирпичная стена здания, выходящего на соседний двор. Семья вынесла столы, вытащила из квартиры стулья, соседи приходили со своими табуретками, на всякий случай, чтобы не остаться без места. Над столами светились яблони, белый цвет падал в салаты, добавляя им вкус и горечь.

Я поздоровался. В ответ мне закивали, одна из соседок достала из-под себя лишний табурет, я втиснулся между двумя тёплыми майскими женскими телами. Кто-то начал сразу же щедро накладывать что-то на тарелку, кто-то наливал, я огляделся, рассматривая и узнавая. Наши все были тут: против меня сидел Бенья, седой и коротко стриженный, ободряюще кивнул мне и вернулся к общему разговору. Говорили, насколько я смог понять, о погоде. Нейтральная тема, почему бы и нет. По крайней мере, рыдать никто не будет. Костик сидел с другого края, издали махнул мне рукой, не отрываясь от еды. Яблоневые лепестки падали на его белую сорочку, растворяясь в ней, как снег в зимней реке. К нему прижалась сухонькая соседка, жившая как раз над Маратом, Костик просто вытеснил её со стула своими крутыми боками. Сэм стоял поодаль, под деревьями. Вместе с Рустамом — братом Марата. Тот нервно ходил по битому кирпичу в резиновых тапочках и в новом тренировочном костюме и говорил с кем-то по телефону, иногда переспрашивая что-то у Сэма. Тот тоже пришёл в тренировоч-

* * *

Пять лет вахты, пять лет работы,
горячие вены, чёрная сгоревшая кожа.
Когда я вернусь, я не стану травить анекдоты,
а расскажу о серьёзных вещах друзьям и прохожим.

Я расскажу о далеких городах и странах,
о сезонных бригадах наёмных чернорабочих,
с которыми мы поднимали стены в чужих кварталах,
как поднимают на ноги бойцов полубоморочных.

Я расскажу, как нас будили на работу сирены,
как мы спали в костелах под архангельскою трубою,
и кресты на крышах костёлов были чуткими, как антенны,
так что нам было слышно,
о чём святые болтают между собою.

И кто из нас какой крови — никого и не волновало.
Небеса только разные над нами горели и меркли.
Мы строили на Западе госпитали и вокзалы,
мы строили на Востоке тюрьмы и церкви.

Я знаю, почём настоящий труд,
когда только в смерти роздых.
Я знаю, что апельсином пахнет любое сердце.
И пока мы работаем и тянемся в летний воздух,
как растения тёплые, нам есть на что опереться.

Я расскажу, что Господь однажды встал между нами
и перессорил наши цеха и бригады,
разделил нас наречиями, цветом кожи и именами,
вынудив нас отныне строить уличные баррикады.

Потому вода в его дароносицах стала теперь солёной.
И в его золотых церквях бьют поклоны ирландцы с лемками.
И моя любовь, забытая мной в сквотах ночных Вавилона
плачет по мне, пользуясь всеми своими
языками и диалектами.

И потом я скажу — вернемся мы обязательно,
и почувствуют руки строительной кладки пение.
Нас, повстанцев, чернорабочих всех стран, мечтателей,
разделяют лишь наши страхи и наши работодатели.
Соединяют нас
наша ненависть и наше терпение.

* * *

Всегда возвращаться на эти холмы и реки цвета черники,
где мытари и охранники у ворот городских стоят.
У евангелистов в церквях здесь такие тёмные лики,
словно целыми днями на солнце собирают они виноград.

Мужчины здесь носят на себе столько жёлтого золота,
что смерти уже тяжело их забирать с собой.
А женщин ночная тоска грызет, одурев от голода,
и они подводят глаза краскою голубой.

И таким опасным ремёслам учатся здешние дети,
что становятся безработными, пьющими во дворах.
С радостью на войну уходят подростки эти,
и тела погибших героев тонут в живых цветах.

Тяжёлые фуры с Юга привозят в город заразу.
Подсчитывают убытки нищие у пруда.
И всё, что мне остается, целую жизнь, раз за разом,
обо всех вспоминая, всегда возвращаться сюда.

Говорить себе:
вот и осень, и год на девятом месяце.
Вот пылятся знамёна деревьев, листьями прозвеня.
Вот её темный дом, вот её окна светятся.
Может быть, она ждёт.
Может быть, даже меня.

Содержание

<i>Часть первая. ИСТОРИИ И БИОГРАФИИ</i>	5
Марат	7
Ромео	41
Иван	73
Марио	101
Юра	127
Фома	153
Матвей	181
Боб	203
Лука	229
<i>Часть вторая. УТОЧНЕНИЯ И ОБОБЩЕНИЯ</i>	244